

По имеющимся данным, человек за всю жизнь не может прочитать больше двух процентов книжных произведений, созданных в этом мире. Каждому из нас рано или поздно приходит мысль, какими должны быть произведения, на которые мы тратим личное время и жизненную энергию, отдаем им часть себя. Общение с книгой должно приносить и удовольствие, и пользу, а в идеале — еще и полноценный диалог с автором.

Мы стоим перед выбором: что читать. Так, создается личная библиотека. На первых порах она складывается стихийно: человек учится чтению, привыкает к книге, а действующие образовательные программы, начиная с дошкольных учреждений и заканчивая высшими учебными заведениями, предлагают базовый набор произведений, с которыми следует познакомиться, осмыслить и понять. При вхождении в самостоятельную взрослую жизнь мы имеем уже багаж прочитанного — у нас есть начальная библиотека, но вряд ли кто-то этим объемом и ограничивается. Порой мы решаем задачу — стоит ли очередное произведение и его автор нашего внимания. Чем больше вариантов, тем сложнее выбор. Чем мы старше — тем жестче критерии отбора. И каждому последующему поколению приходится труднее предыдущего. Но никто еще не отказался от ее решения и может предложить на обсуждение свое как единственно верное.

Библиотека, созданная человеком, — уникальна, как уникален индивид и каждое произведение, ее составляющее. Вряд ли в мире найдутся две одинаковые библиотеки. Стремления, тревоги человека тот час же отражаются на выборе книг, которые требуются для чтения. Произведение литературы — это не только выражение психики его автора, но и выражение психики тех, кому оно нравится. Эта давняя мысль Эмиля Геннекена, подхваченная и развитая Николаем Рубакиным и его последователями¹, кажется, годится не только для художественных произведений, но, вообще, для всех, включая научные труды (несмотря

¹ См.: *Геннекен Э.* Опыт построения научной критики: эстопсихология / Пер. Д. Струнина. 2-е изд. М., 2011. С. 5; *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры, наблюдения. СПб., 1895. С. 3–4; *Белянин В.П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М., 2006. С. 4–5; *Он же.* Психоллингвистика. 4-е изд. М., 2016. С. 175.

на их особенный язык и среду возникновения). Таким образом, собираемые и читаемые произведения становятся не только источником, но и отражением мировоззрения создателя коллекции, они способны показать неповторимость его опыта, знаний, ценностей. Собрание книг приобретает частичку личности, которая при определенных условиях способна пережить создателя.

Наверно не ошибемся, если сочтем, что срок жизни личной библиотеки равен в целом сроку жизни ее создателя. Период активного чтения у человека длится 50–60 лет, а в последние годы жизни он устает и практически не находит сил на чтение имеющихся книг, не говоря уже о поиске новых. В связи с этим обычно библиотека жива, пока жив ее владелец, в отличие от авторских произведений и научных открытий, способных пережить создателей на десятки и сотни лет.

Каждой личности хотелось бы передать «интеллектуальный тип», образ мира, читательскую среду последователям моложе и сильнее, чтобы продолжить начатое дело освоения и постижения этого мира. Автор продолжает жить в произведениях, ученый – в открытиях, а читатель – в своих книгах.

Миру Михаила Константиновича Треушникова были знакомы все три ипостаси, ему посчастливилось выступить в роли автора, ученого и читателя.

Михаил Константинович передал часть домашней научной библиотеки кафедре гражданского процесса МГУ имени М.В. Ломоносова. Но это ее статическая часть, собранная им лично.

Открываемая книжная серия «Библиотека М.К. Треушникова» – попытка издателя, родных, учеников, коллег и друзей Михаила Константиновича сберечь и посылно продолжить создание личной библиотеки, вселить в нее жизнь, продолжить то мировосприятие, которое было присуще Михаилу Константиновичу как человеку своей эпохи.

Антон Михайлович Треушников

Издательский Дом «Городец»

*Кафедра гражданского процесса
Юридического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова*

ЧЕЛОВЕК «ОТ ЗЕМЛИ»

Владимир Николаевич Аргунов (1949–2001)

Деревня Черкасово, где появился на свет Володя Аргунов, — тихое поселение на обрывистом берегу реки Пекша, затерянное среди лесов и перелесков на границе Владимирского Ополья и Мещёры. Сорок дворов, две улицы да с десяток колодцев. На восток — болота и километры труднопроходимого леса, на запад — малый армейский мост и дорога жизни в райцентр. По ней направо пойдешь — на Стромынку, то есть памятный на Руси Стромынский торговый тракт попадешь, налево — на печально знаменитую Владимирку, ныне Горьковку, тянущуюся от московского Шоссе Энтузиастов.

Оба варианта напоминают о вечности бытия, оба в свое время — «этапные» пути. Места не то чтобы неприветливые, но требующие трезвости ума и смекалки. Как говорится, «глухие», ровно посередине от столичной цивилизации — как древней (Суздаль, Владимир), так и нынешней (Москва). Куда ни пойдешь — чистый 101-й километр, что в одну сторону, что в другую: красноречиво говорят об этом и многие названия местных сёл и деревень — Неугодово, Выползово, Суковатово...

Конец сороковых — начало пятидесятых — годы послевоенного мужества, напряженной работы. Воодушевление и надежда — «всё в наших руках, всё будет» — и энергии хватает, даже если сидеть приходится, как говорится, на хлебе и воде. В семье всегда много работы: дед обустроивает колхоз (председатель), отец — учет на военном складе (бухгалтер), мама — учит и воспитывает молодых патриотов советского государства (учитель). Как и у большинства послевоенных ребятшек, детство у Володи окончилось рано — с наступлением школьной поры.

Нет, подростковая вольница, конечно, была, может быть, даже и побольше, чем у других, городских или поселковых, ведь места природой не обделенные, хоть и «на краю», на «пограничной полосе» между болотными низменностями и бескрайними лесами. Тем более что война коснулась этой территории по-своему, без

разрушений и терзания матушки-природы, оставив за собой только шлейф потерь и воспоминаний, бережно хранимых в старых фотографиях, затертых треугольниках писем, орденах и медалях солдат, в числе которых были и Аргуновы, и их ближайшие родственники Куликовы.

Школа по тем временам — современная, восьмилетняя. Первоначально мама Володи ходила на работу каждый день за 10 километров. Но к середине пятидесятых молодая семья из Черкасова переехала поближе к цивилизации, в соседнюю Липну, и школьная «обуза» поменяла свое содержание: время стало уходить не на «знания в пути», а на «путь к знаниям», ибо от дома до школы — «спуститься под гору да лавы перейти». Школа фактически стала вторым домом: там и там — строгий присмотр мамы — учителя русского языка и литературы, да еще и завуча школы.

А в первом, «настоящем», доме типичная сельская жизнь — обработка земли в огороде, личное подсобное хозяйство с животной, конечно, необходимая помощь колхозу, а на «десерт» — рыбалка и охота со своим особым духом состязательности. Этаким «бревенчатый социализм», где еще на равных уживаются и личное, и «сводки рабочего дня».

Такой образ существования Владимира, зафиксировавшись в школьные годы, стал стабильным режимом его жизни, в которой и тяга к познанию — литературе, философии, позже — к праву; и к домашней работе — уходу собственными руками за садом, домом, домашней живностью; и к чисто «мужской добыче» — рыбе, птице и зверю, то есть охота и рыбалка. Фундамент получился крепким, на всё было отведено достаточное время.

После восьмилетки (1964) — Владимирский химико-механический техникум, старое здание которого находилось у подножия «градообразующего» холма, несущего старинные Успенский и Дмитриевский соборы. Там, на «Годовой горе» в «Доме дешевых квартир», юный Владимир Аргунов приобретает основы знаний об эксплуатации и ремонте различного технического оборудования, особенно — в сфере нефтяной промышленности и производства пластмасс. В 1968 г. у него в кармане диплом о квалификации специалиста по монтажу и технической эксплуатации промоборудования.

Недолгая работа на заводе в г. Истре. Затем с 1969 по 1971 г. — армия. Механик-водитель танка Т-55. После армии, с 1971 по 1976 г., юридический факультет МГУ. Здесь рождается новая

сфера увлечения Владимира Николаевича — судебный процесс. Своего рода и знание, и искусство. Понимание процессуальных отраслей в праве хорошо привилось к древу познания В.Н. Аргунова, обычно мыслящего образом, следующим после слова «как», ибо в среде его существования и мировоззрении на вопрос «что» ответ имелся всегда.

Далее — начало пути в науку и преподавание. Окончание аспирантуры по кафедре гражданского процесса (1979), защита кандидатской диссертации (1980) под руководством профессора А.А. Добровольского. Потом работа в Московском филиале юридического заочного обучения при Академии МВД СССР — обучение и воспитание молодых милицейских кадров (1979–1984), затем, до конца жизни — на кафедре гражданского процесса МГУ имени М.В. Ломоносова.

При этом переход на более «широкий» профиль — обучение и воспитание юриста вообще. Периодическое совмещение науки, преподавания с практической деятельностью на управленческих должностях в органах государственной власти, ректорате Университета (Начальник юридического управления). Написание ряда книг, касающихся не только судебного гражданского процесса, но и смежных с ним институтов: нотариата, прокурорского надзора.

Как когда-то им двигало желание без остатка разобраться в каждом элементе механизма и детали, ее назначении и функции, так теперь движут им готовность в каждой деятельности (научной, преподавательской, прикладной) сохранить результаты труда своих предшественников — наставников, учителей — и дойти до основ. Главные принципы его работы — ясно, т.е. просто и понятно формулировать правила, чтобы в них мог разобраться не только юрист, но и, условно говоря, тракторист.

Постоянное существование в режиме «познание — дом (он женился, и семья стала еще одним из основных стержней его жизни) — природа» не давало Владимиру Николаевичу замкнуться только на одной грани бытия, уйти в так называемый редукционизм, т.е. возвращение к прежнему стабильному, но не предполагающему движения вперед состоянию. Это предопределяло и разносторонность общения с людьми — от тракториста, лесника, писателя — до министра или генерального прокурора.

Всему находилось свое место. «Рыбак рыбака видит издалека» — обсудить советы Л.П. Сабанеева и устроить «практикум» на перекате реки в соревновании «человек — голавль». Или же

«Судья в суде, что рыба в пруде» — убедить юриста-практика, что возможны другие варианты совершения или правового моделирования процессуального действия. Любые идеи-поступки в жизни были для В.Н. Аргунова делами абсолютно равноценными и важными.

С удовольствием и достойным результатом реализовывалось каждое из них. Понимание ситуации, вера в себя и в человека рядом — необходимый и достаточный набор условий для любого мероприятия: не важно, суд это или рыбалка, или встреча со старинными друзьями. Как человек «от земли» он получал удовлетворение и от научной, и от так называемой прикладной деятельности. Можно сказать, жизнь его была на взлете.

И вдруг нелепая случайность (а может, закономерность?) — дорожно-транспортное происшествие — оборвала существование и служение полного сил ученого-практика. Он ушел рано, полный новых планов и необычных задумок. Однако не зря говорится, что всё остается людям. И эта книга, где собраны многие его труды, явное и непреложное подтверждение этому высказыванию.

*В.В. Аргунов, А.В. Аргунов,
А.М. Треушников, С.А. Хуммедов*

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС — ЭТО ПРОСТО...

...А судебная защита — доступна. К такому выводу приходит, вероятно, каждый человек, который долгое время занимается, участвует, думает о судебном процессе. Не имеет значения — ученый это или практик. Результат все равно один и тот же. Парадокс в том, что такое размышление о «должном» почти всегда находится в прямом противоречии с «сущим», тем, что фактически происходит в залах судебных заседаний и как итог фиксируется в судебных решениях. С онтологических позиций и в истории вряд ли найдутся примеры простого и доступного судебного процесса по гражданскому делу. Во всяком случае, к современному типу процесса, который на половине земного шара, так или иначе, берет свои начала из идей римского *cognitio extra ordinem*, это не относится. И каждый, кому по велеанию судьбы приходится окунаться в пучину процесса, хранит в сердце эту непреходящую ценность — «должно быть просто и доступно», пытается реализовать ее в том или ином виде в реальной действительности. Путь реализации множество, для профессионалов-юристов — они свои (и здесь, в свою очередь, одинаковую важность имеет и практика, и теория), для обывателей, затянутых в процесс по случаю (как у Кафки), — другие. Цена таких усилий иногда очень велика, а палитра результатов неисчерпаема.

Так «просто и доступно» приобретает индивидуальную интерпретацию, в очередной раз дополняющую копилку земных знаний, умений, навыков.

Владимир Николаевич Аргунов, занимаясь гражданским процессом как теоретик и практик, тоже имел свое «просто и доступно» о гражданском процессе, ровно столько же интересное и уникальное, что и у его коллег, и учителей. Судьба дала ему не так много времени для размышлений — всего не полных 25 лет жизни. Но это была ровно половина его жизни — весьма активной и плодотворной. Закончив аспирантуру юридического факультета МГУ в 1979 г., В.Н. Аргунов молодой ученый и уже опытный 30-летний мужчина, полон энтузиазма и надежд на

то, что уж его-то голос будет услышан законодателем, правоприменителем, обычным участником процесса.

Проблемы выбора тем для научного исследования у Владимира Николаевича не было, ни во время обучения в аспирантуре, ни при подготовке так и не защищенной докторской диссертации. «Среда», обстоятельства, в которых живет человек, к которым прислушивается и интуитивно догадывается, часто сами подсказывают верный путь, достаточно лишь вовремя «схватить» ориентир и направление, не пропустив их мимо себя. В этом смысле место и время, в которые он попал, будучи в стенах университета и занимаясь юриспруденцией в «эпоху перемен», выступили надежными советчиками в постановке научных проблем и предложении путей их решения.

О чем это? Поясним подробнее.

Во-первых, люди, в окружение которых он попал, пребывая в Университете.

Известно, что темы исследований передаются от учителя к ученику, от наставника к молодому специалисту. До банальности просто: намеченные, но нереализованные (или частично реализованные) идеи и взгляды старших, опытных и сведущих коллег попадают в руки начинающих специалистов. Для наставника необходима уверенность в развитии идеи на надежной почве, для протее — ее полное понимание, принятие и вера в успех.

Будучи по натуре человеком чутким и любознательным, он всегда и с удовольствием прислушивался к другим людям, причем неважно — кто это был: учитель, наставник, коллега, сосед или простой попутчик в общественном транспорте. Все эти люди представляли для него интерес как источники познания себя, другого и окружающего мира. Известное выражение «истина — в Другом», философия диалога, как у М.М. Бахтина¹, И.М. Пятигорского², иных участников Тартуско-Московской семиотической школы — это как раз про него. Как и когда к нему пришло осознание того, что истина не передается, а возникает внутри коммуникации, а коммуникация — «это место, где есть потенциал истины», теперь уже не имеет значения. Может, это заложено в деревенском воспитании, а может, он нашел один из подходов в восточной философии, которой увлекался.

¹ См.: Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 20–23, 42–43, 117–127.

² Пятигорский А.М. Философия одного переулка. Лондон, 1989. С. 59.

Главное то, что это — основной метод, объединяющий все его научные исследования в области права. В гражданском процессе, в нотариальном производстве он принципиально видел коммуникацию, в ходе которой формируется истина, т.е. правильное решение. А профессора по МГУ — А.А. Добровольский, А.Ф. Клейнман, М.К. Треушников, доценты по Академии МВД СССР — И.П. Гришин и И.М. Ильинская, — примеры воплощения этого метода в науку и преподавание.

Во-вторых, конъюнктура. Обстановка, сложившаяся в обществе к 1980-м годам, преддверие переосмысления результатов строительства социалистических отношений, включая и право, требовала от юристов с одной стороны, последовательности в реализации созданных в обществе аксиом, с другой же — неординарности в постановке очередных задач, средствах и методах их достижения. Социалистическое право должно было вынести «удар» перестройки и нового мышления, сохранив все ценное и уникальное, вписаться в систему мировых представлений о праве, не потеряв себя. Российская Федерация должна была выступить оплотом в этом важном деле.

Принятие Советской Конституции 1977 г., подводящей некие итоги, опыт создания и практики социалистического права, означило новый этап и в осмыслении целей и задач социалистического государства в сфере правосудия, роли общества, учреждений, организаций и граждан в его отправлении на местах. Для отечественного гражданского процесса это означало, что одно из древнейших учений — учение об иске и праве на иск, получившее в ходе недолгих, но информативно насыщенных научных исследований 1920–1970-х годов «социалистический окрас», было вплотную подведено к постановке его на более общий, межотраслевой и общеправовой уровень — конституционного права на судебную защиту. Право на иск как субъективное отраслевое право, по предыдущим научным исследованиям дихотомное по своей структуре (право на предъявление — право на удовлетворение иска), теперь получило «третий» срез — о значении доступа каждого заинтересованного лица к правосудию, о характере заинтересованности самого государства в правосудии. Брежневская Конституция закрепила этот третий аспект нормативно. Часть 3 ст. 33, ст. 37, ч. 2 ст. 57, раздел VII Конституции СССР 1977 г. имели «программное» значение, оказавшись в центре научных интересов социалистической науки гражданского процесса все последующие годы и плавно

перейдя в современные научные исследования. По меткому выражению П.Ф. Елисейкина, сказанному в 1979 г., — «Конституционная природа права на судебную защиту потребует от науки гражданского процесса пристального внимания не к одним лишь отношениями типа: “Суд — участвующее в деле лицо”, но еще к отношениям, которые складываются в процессе осуществления советским общенародным государством его правоохранительной функции... Содержание таких отношений образуют обеспеченная Конституцией возможность гражданина рассчитывать на судебную защиту и корреспондирующую ей обязанность судебных органов, государства по организации такой защиты и ее предоставлению»¹. Требование о защите только связано с правом на защиту, но не обусловлено им. А право на защиту и право на обращение за защитой по своей природе и содержанию — разные явления².

Несмотря на слом социалистического государства и права в России, тема, которая была поставлена процессуалистами для научного освоения в конце 1970-х — начале 1980-х годов, — изучение права на судебную защиту не только в его отраслевом, но и в конституционном значении актуальна до сих пор. Известно, что аналогичная тема для общества и государства примерно в то же время была поставлена М. Каппеллетти и группой исследователей в Европе («флорентийская группа»), занимающейся темой доступа и эффективности правосудия, разрешения конфликтов на междисциплинарной основе³. Но все же, несмотря на «мировую замашку», там эти вопросы были исследованы под углом зрения капиталистического общества и права, даже те из них, к которым профессором К.-Ф. Кохом был применен антропологический подход. Актуальность такой постановки научных

¹ Елисейкин П.Ф. Право граждан на судебную защиту как право конституционное и субъективное (основные задачи исследования) // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Межвузовский тематический сборник / Под ред. П.Ф. Елисейкина. Ярославль, 1979. С. 8–9.

² Щеглов В.Н. Вопросы теории гражданского процесса в свете нового законодательства // Вопросы теории и практики гражданско-правового регулирования: Сборник статей / Ред. В.Ф. Волович, Б.Л. Хаскельберг, В.Н. Щеглов. Томск, 1985. С. 14–17.

³ Подробнее см.: *Cappelletti M., Garth B.G. Access to Justice: The Newest Wave in the Worldwide Movement to Make Rights Effective* // *Buffalo Law Review*. January 1978. P. 181–292; *Гражданский процесс в межкультурном диалоге: Евразийский контекст: Сборник докладов Всемирной конференции Международной Ассоциации процессуального права* / Под ред. Д.Я. Малешина. М., 2012. С. 18–28.

взглядов вне сомнения и для современного российского ученого, чьи взгляды вряд ли можно назвать социалистическими. Сегодня эта тема «слилась» с европейской в одно целое. В этом есть, конечно, свои очевидные плюсы. Но есть и минусы. Не стоит принижать значение временного промежутка (примерно в 20 лет — конец 1970-х — начало 1990-х), когда ученые-юристы советской России и их европейские коллеги шли разными путями в своих исследованиях одной и той же темы. Мы как раз о нем и вспомним, тем разнообразнее и интереснее будут и наши мысли в дальнейшем.

Так, Владимир Николаевич принял для себя ряд направлений в исследованиях, которыми и занимался в дальнейшем в науке. Темы, на первый взгляд, имеющие мало общего в вышеописанных условиях развития общественных отношений и науки гражданского процесса, оказались объединены одной нитью. Речь идет о третьих лицах и прокуроре как участниках гражданского судопроизводства. Обе его монографии, вышедшие с разницей в 10 лет, объединены одной идеей: гражданский процесс больше не может быть двухсторонней, подвижной исключительно частным интересом методикой разрешения спора о праве.

Показательно, что группой М. Каппеллетти похожие темы (немножко под другим, частноправовым «соусом», с критическим отношением к возможностям общества и государства в этой области и с весомой оглядкой на опыт США в 1960–1970-е годы) были отнесены к «второй волне» движения за доступ к правосудию и государству всеобщего благосостояния на европейском континенте¹. «Третья волна», связанная с реформированием существа самого процесса в деталях, по мнению разработчиков, должна была только начаться. Но отечественная наука уже в 1970-е годы разрабатывала эти направления точно, с учетом достигнутого опыта за 50 лет развития советского государства. Иначе говоря, в отличие от европейских стран, у нас уже тогда проводилась «шлифовка» процессуального законодательства, а не просто постановка концептуальных положений.

¹ К «второй волне» движения за доступ к правосудию принято относить методикой защиты «диффузных интересов» — групповых интересов и защиту интересов неопределенного круга лиц; групповые иски, участие третьих лиц в процессе — «друзей суда» и пр. Подробнее: *Cappelletti M., Garth B.G.* Op. cit. P. 194–197, 209–222.

По меткому выражению процессуалистов, «процесс — это всегда на троих»¹, «участие в нем всех трех субъектов необходимо, как необходимы те функции, которые каждый из субъектов выполняет»². В абсолютном большинстве случаев это действительно так, причем неважно — какой это процесс: административный, гражданский, уголовный. Суд, истец, ответчик — эти фигуры были и будут всегда, без них немыслим гражданско-правовой спор и его рассмотрение в суде. Однако в ряде ситуаций с достаточно давних времен в гражданский процесс стали допускаться иные фигуры — так называемые третьи лица, а в новейшем праве — еще и различного рода лица, обращающиеся в суд в защиту чужого интереса. Таких лиц можно назвать «нетрадиционными участниками» гражданско-правовых споров, их участие в процессе обусловлено не конструкцией социального конфликта, выражающегося в процессе в «споре о праве», а иными соображениями, корнящимися в понимании правосудия как особого рода государственной правоприменительной деятельности, целей и задач судопроизводства. Теми самыми соображениями, которые кроются в понимании конституционного права на судебную защиту. В конечном счете участие таких лиц, привносящих в процесс новые интересы (в основном — интересы общественные, государственные), можно назвать с частноправовых позиций «осложнением процесса». Особенно это видно в понимании классического, а ныне — устаревшего понимания гражданского процесса в духе Е.В. Васьковского как исключительно «двустороннего дела», направленного на урегулирование разногласий между сторонами об их индивидуальных правах³. Гражданский процесс как правосудие по гражданским делам — теперь четко осознаваемая общая задача и спорящих лиц, и государства, и общества. В таком ключе —

¹ Из лекций А.А. Демина по административному праву и процессу.

² Щеглов В.Н. Субъекты судебного гражданского процесса. Томск, 1979. С. 5.

³ Большинству процессуалистов известно высказывание профессора, провозглашенное им в «Курсе гражданского процесса» при споре с Е.А. Нефедьевым о якобы совершенном безразличии государства к осуществлению частно-правового порядка «...уплатит ли Иванов свой долг Петрову, внесет ли квартирант Федоров наемные деньги домовладельцу Григорьеву и т.д. ... Ни навязывать судебную защиту гражданам помимо их просьбы, ни побуждать суд вмешиваться во взаимные отношения между ними и самостоятельно устанавливать спорные обстоятельства государство не имеет решительно никакого основания» (см.: *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. Т. 1. М., 1913. С. 384–385).

это не усложнение процесса, а, наоборот, облегчение доступа к правосудию. В этом — новое, конституционное понимание «процессуальной троицы»: стороны (частные лица), государство, общество (наряду со «старым» — истец-ответчик-суд).

Итак, тему об участии третьих лиц в гражданском процессе Владимир Николаевич взял с целью продолжения наработок в этой области своих учителей, профессоров А.А. Добровольского, А.Ф. Клейнмана и доцента И.М. Ильинской.

Еще Александром Филипповичем Клейнманом был поставлен ряд важных вопросов относительно института третьих лиц в гражданском процессе, не имеющих единства своего разрешения в науке и практике. К таким неясностям он относил характеристику юридического интереса третьих лиц к вступлению в чужой процесс, в зависимости от которого строится: типология третьих лиц; их процессуальный статус и возможности в процессе; отличие их от иных участников процесса¹. На основе характера юридического интереса, исходя из практики судопроизводства 1920-х годов, отдельной темой А.Ф. Клейнман поставил участие некоторых общественных и государственных организаций и учреждений в процессе с особыми интересами, не имеющими ничего общего с юридическими интересами «классических» третьих лиц. Профессор назвал таких субъектов, обычно привлекаемых судом по своей инициативе, «как бы третьи лица» или лица “*sui generis*”, так как их нельзя было отнести к третьим лицам ни в смысле главного, ни в смысле побочного вступления². Цели их участия в процессе и процессуальный статус были наименее осмыслены в науке того времени.

Аркадий Александрович Добровольский, один из разработчиков концепции участия государственных и общественных органов в социалистическом гражданском процессе, связывал такое участие с институтом третьих лиц именно через субъектов, названных «как бы третьими лицами». Идея А.А. Добровольского об основах участия органов государственного управления в гражданском процессе³ была продиктована необходимостью реализации принципа участия обществен-

¹ См.: Клейнман А.Ф. Участие третьих лиц в гражданском процессе. Иркутск, 1927. Ци. по: Клейнман А.Ф. Избранные труды. Т. 1. Краснодар, 2008. С. 24–39.

² Там же. С. 42.

³ См.: Добровольский А.А. Участие органов государственного управления в советском гражданском процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1954.

ности в осуществлении правосудия и принципа объективной истины. Основания и две формы участия государственных органов и организаций в гражданском процессе, предложенные в 1950-е годы А.А. Добровольским и Р.Ф. Каллистратовой, нашли свое законодательное воплощение в ГПК РСФСР 1964 г. С тех пор участие государственных органов и должностных лиц в форме возбуждения дела в защиту чужого интереса («процессуальный истец») или в форме дачи заключения по делу, стали традицией для отечественного гражданского процесса.

Однако такой «новый» для отечественного гражданского процесса институт участия специализированных субъектов в судопроизводстве по гражданским делам еще предстояло гармонично согласовать и с древнейшим институтом сторон, и с институтом третьих лиц.

Последовательно исходя из содержания советского принципа диспозитивности А.А. Добровольский прямо признавал лиц, выступающих в процессе от своего имени, но в защиту чужих интересов, истцами, формируя тем самым новое советское двуединое понимание истца, взамен старого буржуазного¹. К сожалению, такое понимание не прижилось в отечественной доктрине, упорно не признающей самостоятельность материально-правовой заинтересованности таких лиц в исходе дела и оперирующей термином «процессуальный истец», предложенным С.Н. Абрамовым. В этом смысле идеи А.А. Добровольского еще должны быть оценены наукой.

Не всем известно, что на ниве конструирования новых субъектов гражданских процессуальных правоотношений, в порыве «увлечения» был риск утратить некоторых из уже известных и устоявшихся фигур процесса. Речь идет как раз о третьих лицах — в некоторых теоретических моделях социалистического процесса им могло не найтись места. А.А. Добровольским был предложен очень оригинальный вариант разграничения и с институтом третьих лиц.

Идея, заявленная профессором, выглядела весьма радикально даже по меркам социалистического процесса. Это идея о необходимости отказаться от фигуры третьего лица с самостоятельными требованиями, переведя ее в разряд «третьей стороны» в процессе на том основании, что такое лицо гораздо

¹ См.: Добровольский А.А. Участие органов государственного управления в гражданском процессе. М., 1958. С. 129, 133.

ближе к стороне (истцу), нежели к третьему-лицу-пособнику¹. Так рушился старый традиционный институт третьих лиц: интервент + пособник. Ведь оставалась только одна категория: пособник. Но при этом предлагалось возвести новый тип — на основе пособничества.

О различиях между органами государственного управления, вступающими в дело для дачи заключения, и традиционными третьими лицами без самостоятельных требований, профессором было написано много конструктивного. Однако в целом его вариант, основанный на признании таких органов одним из типов третьих лиц, нуждался в совершенствовании.

А.А. Добровольский, развивая идею А.Ф. Клейнмана, предложил категорию третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, подразделить на две составляющие: «традиционных» третьих лиц без самостоятельных требований и «новых» третьих лиц без самостоятельных требований, но со своим интересом и особым процессуальным статусом в лице органов государственного управления, выступающих в защиту общественных и государственных интересов². Предложения А.А. Добровольского о создании законодательной модели «новых» третьих лиц и об их особом процессуальном статусе, который «шире» правового статуса обычных третьих лиц без самостоятельных требований (за счет права вступить в процесс в любой стадии, давать заключение по делу), не были восприняты законодателем при принятии ГПК РСФСР 1964 г.

Советский законодатель ограничился лишь упоминанием о возможном участии таких лиц в деле в случаях, предусмотренных законом и о возможности суда привлечь их в дело по своей инициативе, перечислив при этом кратко их процессуальные права (ст. 42 ГПК РСФСР). К слову, этот вопрос не разрешен в законе и до настоящего времени (ст. 43 ГПК РФ, ст. 51 АПК РФ), а судебная практика изобилует примерами привлечения различных государственных органов и общественных организаций, особенно органов «добровольной юрисдикции» (нотариат, службы государственных реестров), к участию в деле без какого-либо юридического интереса, на всякий случай. В теоретическом плане проблема приобрела новый виток в связи с принципиаль-

¹ См.: Добровольский А.А. Участие органов государственного управления в гражданском процессе. С. 138–139.

² Там же. С. 142.

ным отказом в современном гражданском процессе от широкого участия государства и общественности.

Вышеуказанные научно-практические проблемы стояли перед В.Н. Аргуновым отчетливо и ждали дальнейших решений. Им было констатировано, что за последние годы в судебной практике наметилась тенденция «широкого» применения института третьих лиц в гражданском процессе. Однако такое применение не всегда оправдано, встречаются случаи, когда граждане и юридические лица, занимающие в процессе положение третьего лица, должны принимать участие в деле в качестве сторон или органов государственного управления. Широкое понятие различных «новых» оснований вступления (привлечения) в дело третьих лиц ничего не дает ни теории, ни судебной практике, и поэтому требует своей дальнейшей конкретизации.

Целью исследования под названием **«Участие третьих лиц в гражданском процессе»** было заявлено уточнение процессуального положения обеих групп третьих лиц как на фоне иных субъектов процесса (в том числе обращающихся за защитой «чужого» интереса), так и относительно друг друга.

Понимание института третьих лиц нуждалось в новом осмыслении в первую очередь в своих внешних связях с другими элементами системы советского гражданского процессуального права, чтобы не потерять свою уникальность. Владимир Николаевич должен был совместить традиции старого, в этой части по сути, еще буржуазного, гражданского процесса с новыми вызовами и задачами социалистического правосудия. В целом Владимир Николаевич верно связал институт третьих лиц с более общими процессуальными институтами лиц, участвующих в деле, иском и спором о праве, а также такими категориями теории права как правоотношение (гражданское правоотношение в широком смысле и гражданское процессуальное правоотношение, их объектами и субъектами), субъективное право, законный интерес.

Простой тезис о том, что каждый субъект гражданского процессуального правоотношения обладает определенным, только ему присущим процессуальным правовым статусом, в зависимости от тех функций, которые он выполняет в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел, привел Владимира Николаевича к мысли о том, что значит и деятельность каждого субъекта процессуального правоотношения ограничена

определенными рамками выполнения этой функции. В связи с этим непосредственно в качестве оснований участия в процессе любого лица, участвующего в деле, следует рассматривать те специфические виды или формы юридического интереса, которые характерны для каждого из них.

По его мнению, вся процессуальная деятельность такой группы участников гражданских процессуальных правоотношений как лица, участвующие в деле, подчинена одной цели — *защите собственных субъективных прав и законных интересов или защите субъективных прав и законных интересов конкретных граждан или организаций* (курсив наш. — В.А.). Право на защиту и защищаемое субъективное право, законный интерес имеют самостоятельное процессуальное значение. При этом всегда учитывается субъект такого права в новом понимании (вышеозначенная «троица процесса»: стороны (частные лица) — государство — общество).

Для третьих лиц с самостоятельными требованиями, всегда защищающих в суде свое предполагаемое субъективное право, особенно важно установить их соотношение с институтом сторон (в первую очередь истца). И здесь Владимир Николаевич приводит ряд дополнительных аргументов в пользу самостоятельности этих лиц, невозможности их смешения с истцом, по сути, выступив против возможности «трехстороннего процесса».

Действительно, если мы отнесем третье лицо — интервента к истцу, то мы потеряем не только фигуру истца в классическом понимании (в том числе и «двуединого истца» по А.А. Добровольскому), но и в целом сделаем размытым понятие сторон в процессе. Особенно это важно для тех случаев, когда третье лицо предъявляет свои требования не против обеих сторон одновременно, а адресует их истцу или ответчику. В то же время исходя из «двуединого» понимания истца *специальным объектом* такого сложного процессуального правоотношения, как правоотношение «суд-лицо, участвующее в деле», по мнению В.Н. Аргунова, всегда будет субъективное материальное право данного лица или субъективное материальное право гражданина или организации, которое защищается в суде лицом, участвующим в деле. За рабочее определение субъективного права им был взят один из вариантов «комбинационной теории» субъективного права, как наиболее адекватно отражающий проявление права в судопроизводстве (Н.Г. Александров, О.С. Иоффе, С.С. Алексеев и др.). Субъективное право понималось им всегда как обеспеченное законом возможное поведение уполномоченного лица,

так и должное поведение обязанного лица. Но ведь запустить процесс может необходимость защиты не только субъективного права, но и законного интереса (социальной потребности, не опосредованной правовой нормой, а значит, и субъективным правом).

В связи с этим активировать процесс в пользу третьего лица с самостоятельными требованиями может не только непосредственно оно само, но и лица, на которых в силу закона возложена обязанность по защите прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц (ст. 29, 30 Основ). В таком случае данное должностное лицо или государственный орган будет участвовать в деле в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями, несмотря на то, что они не имеют личного (субъективного) материально-правового интереса к делу. Очевидно, что в подобной ситуации обратиться в суд с заявлением в защиту прав и интересов третьего лица может также и прокурор (ст. 29 Основ, ст. 41 ГПК РСФСР). В таких случаях исходя из общего правила ст. 37 ГПК РСФСР третье лицо, в защиту которого в суд обратился прокурор или орган государственного управления, извещается судом и участвует в нем в качестве третьего лица-истца в соответствии с правилами ч. 2 ст. 33 ГПК РСФСР. Это проявление двойственного характера предмета судебной защиты: не только субъективного права, но и интереса государства и общества в каждом споре.

Получается законченная и логичная конструкция: раз в социалистическом процессе есть «материальный истец» и «процессуальный истец», значит, может быть и «материальный ответчик» и «процессуальный ответчик», «материальное третье лицо-интервент» и «процессуальное третье лицо-интервент». Ведь участие государственных и общественных органов в гражданском судопроизводстве обусловлено необходимостью судебной защиты прав в конституционном смысле. А право на судебную защиту принадлежит не только истцу, но и ответчику, третьему лицу, причем в равной мере!

Далее — интереснее. Суд не может привлечь третье лицо с самостоятельными требованиями для участия в деле, если это лицо не дает своего согласия и не предъявляет самостоятельного требования к первоначальным сторонам. Суд может лишь информировать гражданина или юридическое лицо о возбуждении дела и разъяснить ему его право на участие в нем в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями. Это — принцип